ДЕСТРУКТИВНОСТЬ

Автор: словарь
16.03.2008 12:12 -

ДЕСТРУКТИВНОСТЬ - разрушение, исходящее от человека и направленное вовне, на внешние объекты, или внутрь, на самого себя. В психоаналитической литературе первые представления о Д. содержались в ранних, относящихся к периоду 1910-1912, работах А. Адлера (см.), В. Штекеля, К.-Г. Юнга (см.), С. Шпильрейн. А. Адлер высказал соображение о присущем человеку "агрессивном влечении".

Штекель обнаружил, что в сновидениях и фантазиях пациентов часто проявляются такие мотивы и сюжеты, которые свидетельствуют о проявлении у них ненависти и наличии внутренней тенденции к смерти.

Юнг исходил из того, что либидо включает в себя силы, направленные как на созидание, так и на разрушение.

Как было им отмечено в работе "Либидо, его метаморфозы и символы", страх невротика перед эротическими влечениями может привести к тому, что он не захочет участвовать в битве за жизнь: он душит в себе бессознательные желания и тем самым совершает как бы самоубийство; "страсть уничтожает саму себя" и, следовательно, либидо "есть бог и дьявол"; любовь подымает человека не только над самим собою, но также над границами его смертности ввысь к божественности и в то же время "она и уничтожает его". В 1911 на заседании Венского психоаналитического общества С. Шпильрейн высказала идею о склонности человека к Д., а некоторое время спустя опубликовала в одном из психоаналитических журналов статью "Деструкция как причина становления", в которой в явной форме выразила свое представление о присущем человеку деструктивном начале.

Присутствовавший на заседаниях Венского психоаналитического общества З. Фрейд (см.) сделал несколько возражений по поводу увлечения С. Шпильрейн биологическими концепциями.

В одном из писем к Юнгу (от 21 марта 1912), который был в свое время научным руководителем Шпильрейн, он отметил исследовательские способности молодой девушки, но в то же время подчеркнул, что рассмотренное ею деструктивное желание не может быть им принято, т.к. оно ему "не по вкусу". В опубликованной статье "Деструкция как причина становления" Шпильрейн показала, что в процессе полового акта происходит разрушение и восстановление организма человека, а чувства отвращения, означающие отказ от сексуальной деятельности, соответствуют

разрушающим компонентам самого сексуального инстинкта.

Апеллируя к клиническим случаям, психическому аутоэротизму Ф. Ницше и саге о русском князе Олеге, где смерть любимого коня оборачивается смертью князя, погибшего от укуса змеи, выползшей из черепа коня (змея - символ сексуального вожделения, обернувшегося против князя Олега), она наглядно проиллюстрировала действие деструктивных сил в человеке.

Обращаясь к трагедии У. Шекспира "Ромео и Джульетта", а также к различным мифологическим сюжетам, в которых в той или иной степени отражена проблематика жизни и смерти, Шпильрейн продемонстрировала наличие деструктивных составляющих в сексуальности.

Все это привело ее к таким заключениям, согласно которым "направленная против себя любовь ведет к самодеструкции", разрядка либидо тесно связана с "влечением к разрушению", "в половом инстинкте просматривается инстинкт смерти", "становление - это результат разрушения", а инстинкт размножения, психологически состоящий из двух антагонистических составляющих, "в равной мере является инстинктом становления и инстинктом разрушения". Одно из заключений, к которому пришла Шпильрейн, звучало следующим образом: "Смерть сама по себе ужасна, смерть на службе сексуального инстинкта, т.е. как его разрушающая составляющая, ведущая к становлению, приносит благо". Высказанные Шпильрейн идеи о деструкции, инстинкте разрушения и смерти в то время не были восприняты Фрейдом в должной мере.

Однако, спустя несколько лет, он не только назвал ее статью о деструкции как причине становления богатой содержаниями и мыслями работой, но и по сути дела в какой-то степени воспроизвел некоторые ее аргументы.

Это нашло отражение в его книге "По ту сторону принципа удовольствия", в которой при обосновании идеи о влечении к смерти он сослался на статью Шпильрейн "Деструкция как причина становления" и признал, что значительная часть его рассуждений на эту тему была предвосхищена в данной статье, где садистский компонент сексуального влечения был назван деструктивным.

В работе "Я и Оно" Фрейд высказал соображение, согласно которому Сверх-Я, выступающее в качестве критической инстанции, совести и чувства вины, может

развивать по отношению к Я такую жестокость и строгость, которая превращается в садизм и беспощадную ярость. Признавая это обстоятельство, наглядно проявляющееся в практике психоанализа на примере пациентов, страдающих меланхолией, он усмотрел в Сверх-Я разрушительный компонент, связанный с направленностью агрессии человека не столько вовне, сколько вовнутрь. В книге "Недовольство культурой" Фрейд выразил свою готовность признать, что в садизме и мазохизме психоаналитик имеет дело со сплавом эротики и Д., направленной или вовнутрь, или вовне.

При этом он заметил, что ему самому непонятно, как он сам и многие психоаналитики проглядели широко распространенную агрессивность и Д.

"Я вспоминаю, - писал он, - о собственном сопротивлении при первой встрече с идеей инстинкта деструктивности в психоаналитической литературе, помню, сколь долго оно длилось, пока я не стал восприимчивее к этой идее. Неудивительно поэтому, что другие ее отрицали и отрицают". В работе "Почему война?" Фрейд констатировал то обстоятельство, что чаще всего поступки людей не являются результатом какого-то одного-единственного проявления влечения. Если среди людей раздаются призывы к войне, то это означает, что у них наличествует влечение к агрессии и разрушению.

Причем его удовлетворение облегчается как раз потому, что имеет место переплетение деструктивных влечений с эротическими и идеальными.

Рассматривая эти влечения, он полагал, что при размышлении о чудовищных событиях в истории трудно избавиться от впечатления, будто идеальные мотивы были лишь поводом для разгула деструктивных страстей, в иных же случаях, как, например, в жестокостях святой инквизиции, "идеальные мотивы превалировали в сознании, деструктивные же давали им бессознательное подкрепление". Давая разъяснение по поводу психоаналитического понимания влечения к разрушению, Фрейд подчеркнул, что исходя из клинического опыта можно сделать вывод, согласно которому это влечение содержится внутри каждого живого существа и направлено на разрушение его с целью свести жизнь к состоянию неживой материи.

Это влечение может быть названо влечением к смерти, в противоположность эротического влечения, представляющего собой стремление к жизни. Во имя сохранения своей жизни живому существу приходится разрушать чужую жизнь. Это означает, что влечение к смерти становится разрушительным тогда, когда оно направляется наружу и обращается против внешних объектов.

Вместе с тем, как считал Фрейд, определенная доля влечения к смерти остается действенной и внутри живого существа. В психоаналитической практике приходится иметь дело с тем, что у многих пациентов деструктивное влечение загнано в глубины их собственной психики.

В связи с этим он писал: "Нетрудно заметить, что в случае слишком большой активизации этого процесса можно ожидать ухудшения здоровья, в то время как поворот этих деструктивных влечений во внешний мир облегчает живые существа и действует на них благоприятно". Исходя из такого понимания природы деструктивного влечения, Фрейд пришел к заключению, что с гуманистической точки зрения вполне понятное желание лишить человека его агрессивных наклонностей является не более чем иллюзией и практически неосуществимо. Поэтому речь может идти не о том, чтобы полностью устранить из жизни человека его влечение к Д., разрушению, а о том, чтобы попытаться отвлечь это влечение от проявления и реализации его в таких крайних формах, как войны.

Для достижения данной цели необходимо использовать опосредованные пути борьбы с войнами и, в частности, направить против деструктивного влечения его извечного противника, Эрос. Это означает, что данному влечению должно противостоять все то, что объединяет между собой чувства людей. Прежде всего имеются в виду связи, основанные на чувствах любви и идентификации, а также на подчинении влечений разуму.

Не многие психоаналитики разделяли представления Фрейда о Д. Одни из них вообще не восприняли его "метапсихологические спекуляции" о Д., агрессии, инстинкте смерти, предпочитая обходить молчанием связанные с ними проблемы. Другие подвергли критике подобные теоретические положения классического психоанализа.

К последним относятся, в частности, такие психоаналитики, как В. Райх (см.) и Э. Фромм (см.). Райх считал, что деструктивный импульс появляется в живом существе в том случае, если оно стремится уничтожить источник опасности: разрушение становится биологически осмысленной целью. В этом случае мотивом является не удовольствие от деструкции, а заинтересованность влечения к жизни сохранить Я в целом, т.е. влечение к деструкции служит "первоначальной биологической воле к жизни". Исходя из этого, Райх отрицал изначально биологический характер Д., провел различие между деструктивной, садистской, двигательной и сексуальной агрессивностью, высказал идею о зависимости влечения к Д. от сексуального застоя, пришел к заключению, что "подобно тому, как генитальная энергия при нарушениях превращается в деструктивную, так и при удовлетворении может совершиться обратное превращение деструктивной энергии в генитальную". Фромм опубликовал работу "Анатомия человеческой деструктивности", в которой подчеркнул, что Д. является одной из наиболее важных проблем психоанализа. По мысли Фромма, Фрейд предложил новую теорию,

демонстрирующую "значительный прогресс в понимании деструктивности", но в то же время не столько прояснил, сколько завуалировал феномен агрессии.

Подвергнув переосмыслению выдвинутые Фрейдом и другими учеными представления о Д., он дал обоснование идеи, сводящейся к тому, что объяснение жестокости и Д. человека следует искать "не в унаследованном от животного разрушительном инстинкте, а в тех факторах, которые отличают человека от его животных предков". Это обоснование включало в себя проведение различия между двумя совершенно разными видами агрессии: "доброкачественной", оборонительной, служащей делу выживания индивида и рода, имеющей биологические формы проявления и затухающей, как только исчезает опасность, угроза жизни; "злокачественной", биологически неадаптивной, характеризующейся Д. и жестокостью, которые свойственны только человеку, ибо, по мнению Фромма, "только человек бывает деструктивным независимо от наличия угрозы самосохранения и вне связи с удовлетворением потребностей".

В.М. Лейбин